

Эрнест Хемингуэй. Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера

Пора было завтракать, и они сидели все вместе под двойным зеленым навесом обеденной палатки, делая вид, будто ничего не случилось.

-- Вам лимонного соку или лимонаду? -- спросил Макомбер.

-- Мне коктейль,--ответил Роберт Уилсон.

-- Мне тоже коктейль. Хочется чего-нибудь крепкого, сказала жена Макомбера.

-- Да это, пожалуй, будет лучше всего, -- согласился Макомбер.-- Велите ему смешать три коктейля.

Бой уже приступил к делу, вынимал бутылки из мешков со льдом, вспотевшие на ветру, который дул сквозь затенявшие палатку деревья.

-- Сколько им дать? -- спросил Макомбер.

-- Фунта будет вполне достаточно,--ответил Уилсон. Нечего их баловать

-- Дать старшему, а он разделит?

-- Совершенно верно.

Полчаса назад Фрэнсис Макомбер был с торжеством доставлен от границы лагеря в свою палатку на руках повара, боев, свежевальщика и носильщиков. Ружьеносцы в процессе не участвовали. Когда туземцы опустили его на землю перед палаткой, он пожал им всем руки, выслушал их поздравления, а потом, войдя в палатку, сидел там на койке, пока не вошла его жена. Она ничего не сказала ему, и он сейчас же вышел, умылся в складном дорожном тазу и, пройдя к обеденной палатке, сел в удобное парусиновое кресло в тени, на ветру

-- Вот вы и убили льва,-- сказал ему Роберт Уилсон,-- да еще какого замечательного.

Миссис Макомбер быстро взглянула на Уилсона, Это была очень красивая и очень холеная женщина; пять лет назад ее красота и положение в обществе принесли ей пять тысяч долларов, плата за отзыв (с приложением фотографии) о косметическом средстве, которого она никогда не употребляла. За Фрэнсиса Макомбера она вышла замуж одиннадцать лет назад.

-- А верно ведь, хороший лев? -- сказал Макомбер. Теперь его жена взглянула на него. Она смотрела на обоих мужчин так, словно видела их впервые.

Одного из них, белого охотника Уилсона, она и правда видела по-настоящему в первый раз. Он был среднего роста, рыжеватый, с жесткими усами, красным лицом и очень холодными голубыми глазами, от которых, когда он улыбался, разбегались веселые белые морщинки. Сейчас он улыбался ей, и она отвела взгляд от его лица и поглядела на его покатые плечи в свободном френче и на четыре патрона, закрепленных там, где полагалось быть левому нагрудному карману, на его большие загорелые руки, старые бриджи, очень грязные башмаки, а потом опять на его красное лицо. Она заметала, что красный загар кончался белой полоской -- след от его широкополой шляпы, которая сейчас висела на одном из гвоздей, вбитых в шест палатки.

-- Ну, выпьем за льва,-- сказал Роберт Уилсон. Он опять улыбнулся ей, а она, не улыбаясь, с любопытством посмотрела на мужа.

Фрэнсис Макомбер был очень высокого роста, очень хорошо сложен,-- если не считать недостатком такой длинный костяк, с темными волосами, коротко подстриженными, как у гребца, и довольно тонкими губами. Его считали красивым. На нем был такой же охотничий костюм, как и на Уилсоне, только новый, ему было тридцать пять лет, он был очень подтянутый, отличный теннисист, несколько раз занимал первое место в рыболовных состязаниях и только что, на глазах у всех, проявил себя трусом.

-- Выпьем за льва,--сказал он.-- Не знаю, как благодарить вас за то, что вы сделали.

Маргарет, его жена; опять перевела глаза на Уилсона.

-- Не будем говорить про льва,-- сказала она. Уилсон посмотрел на нее без улыбки, и теперь она сама улыбнулась ему.

-- Очень странный сегодня день,--Оказала она.--А вам бы лучше надеть шляпу, в полдень ведь печет и под навесом, вы мне сами говорили.

-- Можно и надеть,-- сказал Уилсон.

-- Знаете, мистер Уилсон, у вас очень красное лицо,--сказала она и опять улыбнулась.

-- Пью много,-- сказал Уилсон

-- Нет, я думаю, это не оттого,-- сказала она.-- Фрэнсис тоже много пьет, но у него лицо никогда не краснеет

-- Сегодня покраснело,-- попробовал пошутить Макомбер

-- Нет,-- сказала Маргарет.-- Это я сегодня краснею. А у мистера Уилсона лицо всегда красное.

-- Должно быть, национальная особенность,-- сказал Уилсон.-- А в общем, может быть, хватит говорить о моей красоте, как вы думаете?

-- Я еще только начала.

-- Ну, и давайте кончим,--сказал Уилсон

-- Тогда совсем не о чем будет разговаривать, сказала Маргарет

-- Не дури, Марго,-- сказал ее муж

-- Как же не о чем,-- сказал Уилсон.-- Вот убили замечательного льва.

Марго посмотрела на них, и они увидели, что она сейчас расплчется.

Уилсон ждал этого и очень боялся. Макомбер давно перестал бояться таких вещей.

-- И зачем это случилось. Ах, зачем только это случилось, сказала она и пошла к своей палатке. Они не услышали плача, но было видно, как вздрагивают ее плечи под розовой полотняной блузкой.

-- Женская блажь,-- сказал Уилсон.-- Это пустяки. Нервы, ну и так далее.

-- Нет,-- сказал Макомбер.-- Мне это теперь до самой смерти не простится.

-- Ерунда. Давайте-ка лучше выпьем,-- сказал Уилсон.--Забудьте всю эту историю. Есть о чем говорить.

-- Попробую,-- сказал Макомбер.--Впрочем, того, что вы для меня сделали, я не забуду.

--Бросьте,--сказал Уилсон.--Все это ерунда. Так они сидели в тени, в своем лагере, разбитом под широкими тронами акаций, между каменистой осыпью и зеленой лужайкой, сбегавшей к берегу засыпанного камнями ручья, за которым тянулся лес, и пили тепловатый лимонный сок, и старались не смотреть друг на друга, пока бои накрывали стол к завтраку. Уилсон не сомневался, что боям

уже все известно, и, заметив, что бой Макомбера, расставлявший на столе тарелки с любопытством взглядывает на своего хозяина, ругнул его на суахили. Бой отвернулся, лицо его выражало полное безразличие.

-- Чего вы ему сказали? --спросил Макомбер.

-- Ничего. Сказал, чтоб пошевеливался, не то я велю закатить ему пятнадцать горячих.

-- Как так? Плетей?

-- Это, конечно, незаконно,-- сказал Уилсон. --Полагается их штрафовать.

-- У вас их и теперь еще бьют?

-- Сколько угодно. Вздумай они пожаловаться, вышел бы крупный скандал. Но они не жалуются. Считают, что штраф хуже.

-- Как странно,-- сказал Макомбер.

-- Не так уж странно,-- сказал Уилсон.-- А вы бы что предпочли? Хорошую порку или вычет из жалованья? -- Но ему стало неловко, что он задал такой вопрос, и, не дав Макомберу ответить, он продолжал: -- Так ли, этак ли, всех нас бьют, изо дня в день.

Еще того хуже. О, черт, подумал он. В дипломаты я не гожусь.

-- Да, всех нас бьют,--сказал Макомбер, по-прежнему не глядя на него.--Мне ужасно неприятна эта история со львом. Дальше она не пойдет, правда? Я хочу сказать -- никто о ней не узнает?

-- Вы хотите спросить, расскажу ли я о ней в "Матайга-клубе"?

Уилсон холодно посмотрел на него. Этого он не ожидал. Так он, значит, не только трус, но еще и дурак, подумал он. А сначала он мне даже понравился. Но кто их разберет, этих американцев.

-- Нет,-- сказал Уилсон.-- Я профессионал. Мы никогда не говорим о своих клиентах. На этот счет можете быть спокойны. Но просить нас об этом не принято.

Теперь он решил, что гораздо лучше было бы поссориться. Тогда он будет есть отдельно и за едой читать, И они тоже будут есть отдельно. Он останется с ними до конца охоты, но отношения у них будут самые официальные. Как это французы говорят, -- *consideration distinguee*(совершенное почтение

(франц.))?. В тысячу раз лучше, чем участвовать в их дурацких переживаниях. Он оскорбит Макомбера, и они рассорятся. Тогда он сможет читать за едой, а их виски будет пить по-прежнему. Так всегда говорят, если на охоте выйдут неприятности. Встречаешь другого белого охотника и спрашиваешь: "Ну, как у вас?" -- а он отвечает: "Да ничего, по-прежнему пью их виски",-- и сразу понимаешь, что дело дрянь.

-- Простите, -- сказал Макомбер, повернув к нему свое американское лицо, лицо, которое до старости останется мальчишеским, и Уилсон отметил его коротко стриженные волосы, красивые, только чуть-чуть бегающие глаза, правильный нос, тонкие губы и приятный подбородок.-- Простите, я не сообразил. Я ведь очень многого не знаю.

-- Ну что тут поделаешь?--думал Уилсон. Он хотел поссориться быстро и окончательно, а этот болван, которого он только что оскорбил, вздумал просить прощения. Он сделал еще одну попытку.

-- Не беспокойтесь, я болтать не буду, -- сказал он. -- Мне не хочется терять заработок. Здесь, в Африке, знаете ли, женщина никогда не дает промаха по льву, а белый мужчина никогда не удирает.

Я удрал, как заяц, -- сказал Макомбер

Тьфу, подумал Уилсон, ну что поделаешь с человеком, который говорит такие вещи?

Уилсон посмотрел на Макомбера своими равнодушными голубыми глазами, глазами пулеметчика, и тот улыбнулся ему. Хорошая улыбка, если не замечать, какие у него несчастные глаза

-- Может быть, я еще отыграюсь на буйволах, --сказал Макомбер. - Ведь, кажется, теперь они у нас на очереди?

-- Хоть завтра, если хотите,-- ответил Уилсон. Может быть, он напрасно разозлился. Макомбер прав, так и надо держаться. Не поймешь этих американцев, хоть ты тресни. Он опять проникся симпатией к Макомберу. Если б только забыть сегодняшнее утро. Но разве забудешь. Утро вышло такое, что хуже не выдумать.

-- Вот и мемсаиб идет,-- сказал он. Она шла к ним от своей палатки, отдохнувшая, веселая, очаровательная. У нее был безукоризненный овал лица,

такой безукоризненный, что ее можно было заподозрить в глупости. Но она не глупа, думал Уилсон, нет, что угодно--только не глупа.

--Как чувствует себя прекрасный краснолицый мистер Уилсон? Ну что, Фрэнсис, сокровище мое, тебе лучше?

Гораздо лучше,-- сказал Макомбер.

Я решила забыть об этой истории,-- сказала она, садясь к столу. Не все ли равно, хорошо или плохо Фрэнсис убивает львов? Это не его профессия. Это профессия мистера Уилсона. Мистер Уилсон, тот действительно интересен, когда убивает. Ведь вы все убиваете, правда?

Да, все, -- сказал Уилсон.-- Все, что угодно.

Такие вот, думал он, самые черствые на свете; самые черствые, самые жестокие, самые хищные и самые обольстительные; они такие черствые, что их мужчины стали слишком мягкими или просто неврастениками. Или они нарочно выбирают таких мужчин, с которыми могут сладить? Но откуда им знать, ведь они выходят замуж рано, думал он. Да, хорошо, что американки ему уже не внове; потому что эта, безусловно, очень обольстительна.

-- Завтра едем бить буйволов,-- сказал он ей.

-- И я с вами.

-- Вы не поедете.

-- Поеду. Разве нельзя, Фрэнсис?

-- А может, тебе лучше остаться в лагере?

-- Ни за что,-- сказала она. -- Такого, как сегодня было, я ни за что не пропущу.

Когда она ушла, думал Уилсон, когда она ушла, чтобы выплакаться, мне показалось, что она чудесная женщина. Казалось, что она понимает, сочувствует, обижена за него и за себя, ясно видит, как обстоит дело. А через двадцать минут она возвращается вся закованная в свою женскую американскую жестокость. Ужасные они женщины. Просто ужасные.

- Завтра мы опять устроим для тебя представление,-- сказал Фрэнсис Макомбер.

-- Вы не поедете,-- сказал Уилсон.

-- Ошибаетесь,-- возразила она. -- Я хочу еще полюбоваться вами.

Сегодня утром вы были очень милы. То есть, конечно, если может быть мило, когда кому-нибудь снесут череп.

-- Вот и завтрак, -- сказал Уилсон.-- Вам, кажется, очень весело?

-- А почему бы и нет? Я не затем сюда приехала, чтобы скучать.

-- Да, скучать пока не приходилось, -- сказал Уилсон. Он посмотрел на камни в ручье, на высокий дальний берег, на деревья в том месте, где это случилось, и вспомнил утро.

-- Еще бы,-- сказала она.-- Замечательно было. А завтра. Вы не можете себе представить, как я жду завтрашнего дня.

-- Попробуйте бифштекс из антилопы куду,--сказал Уилсон.

--Очень вкусное мясо,-- сказал Макомбер.

-- Это такие большие звери, вроде коров, и прыгают, как зайцы, да?

-- Описано довольно точно,--сказал Уилсон.

-- Это ты ее убил, Фрэнсис? -- спросила она.

Да.

А они не опасные?

Нет, разве что свалятся вам на голову,--ответил ей Уилсон.

Это утешительно.

Нельзя ли без гадостей, Марго,--сказал Макомбер; он отрезал кусок бифштекса и, проткнув его вилкой, набрал на нее картофельного пюре, моркови и соуса.

Хорошо, милый,-- сказала она,-- раз ты так любезно об этом просишь.

Вечером спрыснем льва шампанским,--сказал Уилсон.-- Сейчас слишком жарко.

Ах да, лев,--сказала Марго.--Я и забыла про льва.

Ну вот, подумал Роберт Уилсон, теперь она над ним издевается. Или она воображает, что так нужно держать себя, когда на душе кошки скребут? Как должна поступить женщина, обнаружив, что ее муж -- последний трус? Жестока она до черта,-- впрочем, все они жестокие. Они ведь властвуют, а когда властвуешь, приходится иногда быть жестоким. А в общем, хватит с меня их тиранства.

-- Возьмите еще жаркого,-- вежливо сказал он ей. Ближе к вечеру Уилсон

и Макомбер уехали в автомобиле с шофером-туземцем и обоими ружьеносцами. Миссис Макомбер осталась в лагере. Очень жарко, ехать не хочется, сказала она, к тому же она поедет с ними завтра утром. Когда они отъезжали, она стояла под большим деревом, скорее хорошенькая, чем красивая, в розово-коричневом полотняном костюме, темные волосы зачесаны со лба и собраны узлом на затылке, лицо такое свежее, подумал Уилсон, точно она в Англии. Она помахала им рукой, и автомобиль по высокой траве пересек ложбинку и зигзагами стал пробираться среди деревьев к небольшим холмам, поросшим кустами терновника.

В кустах они подняли стадо водяных антилоп и, выйдя из машины, высмотрели старого самца с длинными изогнутыми рогами, и Макомбер убил его очень метким выстрелом, который свалил животное на расстоянии добрых двухсот ярдов, в то время как остальные в испуге умчались, отчаянно подскакивая и перепрыгивая друг через друга, поджимая ноги, длинными скачками, такими же плавными и немислимыми, как те, что делаешь иногда во сне.

-- Хороший выстрел,-- сказал Уилсон.-- В них попасть не легко.

-- Ну как, стоящая голова? -- спросил Макомбер.

-- Голова превосходная,-- ответил Уилсон.-- Всегда так стреляйте, и все будет хорошо.

Как думаете, найдем мы завтра буйволов?

По всей вероятности, найдем. Они рано утром выходят пастись, и, если повезет, мы застанем их, на поляне.

Мне хотелось бы как-то загладить эту историю со львом,-- сказал Макомбер.-- Не очень-то приятно оказаться в таком положении на глазах у собственной жены.

По-моему, это само по себе достаточно неприятно, подумал Уилсон, все равно, видит вас жена или нет, и уж совсем глупо говорить об этом. Но он сказал:

-- Бросьте вы об этом думать. Первый лев хоть кого может смутить. Это все кончилось.

Но вечером, после обеда и стакана виски с содовой у костра, когда Фрэнсис Макомбер лежал на своей койке, под сеткой от москитов, и

прислушивался к ночным звукам, это не кончилось. Не кончилось и не начиналось. Это стояло у него перед глазами точно так, как произошло, только некоторые подробности выступили особенно ярко, и ему было нестерпимо стыдно. Но сильнее, чем стыд, он ощущал в себе холодный сосущий страх. Страх был в нем, как холодный, скользкий провал в той пустоте, которую иногда заполнила его уверенность, и ему было очень скверно. Страх был в нем и не покидал его.

Началось это предыдущей ночью, когда он проснулся и услышал рычание льва где-то вверх по ручью. Это был низкий рев, и кончился он рычанием и кашлем, отчего казалось, что лев у самой палатки, и когда Фрэнсис Макомбер, проснувшись ночью, услышал его, он испугался. Он слышал ровное дыхание жены, она спала. Некому было рассказать, что ему страшно, некому разделить его страх, он лежал один и не знал сомалийской поговорки, которая гласит, что храбрый человек три раза в жизни пугается льва: когда впервые увидит его след, когда впервые услышит его рычание и когда впервые встретится с ним. Позже, пока они закусывали в обеденной палатке при свете фонаря, еще до восхода солнца, лев опять зарычал, и Фрэнсису почудилось, что он совсем рядом с лагерем.

-- Похоже, что старый,-- сказал Роберт Уилсон, поднимая голову от кофе и копченой рыбы.-- Слышите, как кашляет.

-- Он очень близко отсюда?

-- Около мили вверх по ручью.

-- Мы увидим его?

-- Постараемся.

Разве его всегда так далеко слышно? Как будто он в самом лагере.

Слышно очень далеко, -- сказал Роберт Уилсон.-- Даже удивительно. Будем надеяться, что он даст себя застрелить. Туземцы говорили, что тут есть один очень большой.

-- Если придется стрелять, куда нужно целиться, чтобы остановить его?

-- спросил Макомбер.

-- В лопатку,-- сказал Уилсон.-- Если сможете, в шею. Цельте в кость.

Старайтесь убить наповал.

-- Надеюсь, что я попаду,-- сказал Макомбер.

-- Вы прекрасно стреляете,-- сказал Уилсон.-- Не торопитесь. Стреляйте наверняка. Первый выстрел решающий.

-- С какого расстояния надо стрелять?

-- Трудно сказать. На этот счет у льва может быть свое мнение. Если будет слишком далеко, не стреляйте, надо бить наверняка.

-- Ближе чем со ста ярдов? -- спросил Макомбер.

Уилсон бросил на него быстрый взгляд.

Сто, пожалуй, будет как раз. Может быть, чуть-чуть ближе. Если дальше, то лучше и не пробовать. Сто -- хорошая дистанция. С нее можно бить куда угодно, на выбор. А вот и мемсаиб.

-- С добрым утром,-- сказала она.-- Ну что, едем?

-- Как только вы позавтракаете,-- сказал Уилсон.-- Чувствуете себя хорошо?

Превосходно,-- сказала она.-- Я очень волнуюсь.

Пойду посмотрю, все ли готово.-- Уилсон встал. Когда он уходил, лев зарычал снова. -- Вот расшумелся,--сказал Уилсон.--Мы эту музыку прекратим.

Что с тобой, Фрэнсис?--спросила его жена.

Ничего,--сказал Макомбер.

Нет, в самом деле. Чем ты расстроен?

Ничем.

Скажи.-- Она пристально посмотрела на него.-- Ты плохо себя чувствуешь?

Этот рев, черт бы его побрал,-- сказал он.-- Ведь он не смолкал всю ночь.

Что же ты меня не разбудил? Я бы с удовольствием послушала.

И мне нужно убить эту гадину,--жалобно сказал Макомбер.

Так ведь ты для этого сюда и приехал?

-- Да. Но я что-то нервничаю. Так раздражает это рычание.

-- Так убей его и прекрати эту музыку, как говорит Уилсон.

-- Хорошо, дорогая,--сказал Фрэнсис Макомбер.--На словах это очень легко, правда?

Ты уж не боишься ли?

Конечно, нет. Но я слышал его всю ночь и теперь нервничаю.

-- Ты убьешь его, и все будет чудесно,-- сказала она.-- Я знаю. Мне просто не терпится посмотреть, как это будет.

-- Кончай завтракать, и поедем.

-- Куда в такую рань,-- сказала она,-- Еще даже не рассвело. В эту минуту лев опять зарычал -- низкий рев неожиданно перешел в гортанный, вибрирующий, нарастающий звук, который словно всколыхнул воздух и окончился вздохом и глухим, низким ворчанием.

-- Можно подумать, что он здесь, рядом,--сказала жена Макомбера.

Черт,--сказал Макомбер,--просто не выношу этого рева.

Звучит внушительно.

-- Внушительно! Просто ужасно.

К ним подошел Роберт Уилсон, держа в руке свою короткую, неуклюжую, с непомерно толстым стволом винтовку Гиббса калибра 0,505 и весело улыбаясь.

-- Едем,-- сказал он.-- Ваш спрингфилд и второе ружье взял ваш ружьеносец. Все уже в машине. Патроны у вас?

-- Да.

-- Я готова,-- сказала миссис Макомбер.

-- Надо его утихомирить,-- сказал Уилсон.-- Садитесь к шоферу. Мемсаиб может сесть сзади, со мной.

Они сели в машину и в сером утреннем свете двинулись лесом вверх по реке. Макомбер открыл затвор своего ружья и, убедившись, что оно заряжено пулями в металлической оболочке, закрыл затвор и поставил на предохранитель. Он видел, что рука у него дрожит. Он нащупал в кармане еще патроны и провел пальцами по патронам, закрепленным на груди. Он обернулся к Уилсону, сидевшему рядом с его женой на заднем сиденье -- машина была без дверок, вроде ящика на колесах,-- и увидел, что оба они взволнованно улыбаются. Уилсон наклонился вперед и прошептал:

-- Смотрите, птицы садятся. Это наш старикан отошел от своей добычи.

Макомбер увидел, что на другом берегу ручья, над деревьями, кружат и отвесно падают грифы.

-- Вероятно, он, прежде чем залечь, придет сюда пить,-- прошептал Уилсон.-- Смотрите в оба.

Они медленно ехали по высокому берегу ручья, который в этом месте глубоко врезался в каменистое русло, автомобиль зигзагами вилял между старых деревьев. Вглядываясь в противоположный берег, Макомбер вдруг почувствовал, что Уилсон схватил его за плечо. Машина остановилась.

-- Вот он,-- услышал он наконец Уилсона.-- Впереди, справа. Выходите и стреляйте. Лев замечательный.

Теперь и Макомбер увидел льва. Он стоял боком, подняв и повернув к ним массивную голову. Утренний ветерок, дувший в их сторону, чуть шевелил его темную гриву, и в сером свете утра, резко выделяясь на склоне берега, лев казался огромным, с невероятно широкой грудью и гладким, лоснящимся туловищем.

-- Сколько до него?-- спросил Макомбер, скидывая ружье.

-- Ярдов семьдесят пять. Выходите и стреляйте.

-- А отсюда нельзя?

-- По льву из автомобиля не стреляют,-- услышал он голос Уилсона у себя над ухом.-- Вылезайте. Не целый же день он будет так стоять.

Макомбер перешагнул через круглую выемку в борту машины около переднего сиденья, ступил на подножку, а с нее -- на землю. Лев все стоял, горделиво и спокойно глядя на незнакомый предмет, который его глаза воспринимали лишь как силуэт какого-то сверхносорога. Человеческий запах к нему не доносился, и он смотрел на странный предмет, поводя из стороны в сторону массивной головой. Он всматривался, не чувствуя страха, но не решаясь спуститься к ручью, пока на том берегу стоит "это",-- и вдруг увидел, что от предмета отделилась фигура человека, и тогда, повернув тяжелую голову, он двинулся под защиту деревьев в тот самый миг, как услышал оглушительный треск и почувствовал удар сплошной двухсотдвадцатиградусной пули калибра 0,30--0,6, которая впилась ему в бок и внезапной, горячей, обжигающей тошнотой прошла сквозь желудок. Он затрусил, грузный, большелопатый, отяжелевший от раны и сытости, к высокой траве и деревьям, и опять раздался треск и прошел мимо него, разрывая воздух. Потом опять затрещало, и он почувствовал удар,-- пуля попала ему в нижние ребра и прошла на вылет, -- и кровь на языке, горячую и пенистую, и он поскакал к высокой траве, где можно залечь и притаиться,

заставить их принести трещащую штуку поближе, а тогда он кинется и убьет человека, который ее держит.

Макомбер, когда вылезал из машины, не думал о том, каково сейчас льву. Он знал только, что руки у него дрожат, и, отходя от машины, едва мог заставить себя передвигать ноги. Ляжки словно онемели, хоть он чувствовал, как подрагивают мускулы. Он вскинул ружье, прицелился льву в загривок и спустил курок. Выстрела не последовало, хотя он так нажимал на спуск, что чуть не сломал себе палец. Тогда он вспомнил, что поставил на предохранитель, и, опуская ружье, чтобы открыть его, он сделал еще один неуверенный шаг, и лев, увидев, как его силуэт отделился от силуэта автомобиля, повернулся и затрусил прочь. Макомбер выстрелил и, услышав характерное "уонк", понял, что не промахнулся; но лев уходил все дальше. Макомбер выстрелил еще раз, и все увидели, как пуля взметнула фонтан грязи впереди бегущего льва. Он выстрелил еще раз, помня, что нужно целиться ниже, и все услышали, как чмокнула пуля, но лев пустился вскачь и скрылся в высокой траве, прежде чем он успел толкнуть вперед рукоятку затвора.

Макомбер стоял неподвижно, его тошнило, руки, все не опускавшие ружья, тряслись, возле него стояли его жена и Роберт Уилсон. И тут же, рядом, оба туземца тараторили что-то на вакамба.

-- Я попал в него,-- сказал Макомбер.-- Два раза попал.

-- Вы пробили ему кишки и еще, кажется, попали в грудь,-- сказал Уилсон без всякого воодушевления. У туземцев были очень серьезные лица. Теперь они молчали.-- Может, вы его и убили,-- продолжал Уилсон.-- Переждем немного, а потом пойдем посмотрим.

-- То есть как?

-- Когда он ослабеет, пойдем за ним по следу.

-- А-а,-- сказал Макомбер.

-- Замечательный лев, черт побери, -- весело сказал Уилсон.-- Только вот спрятался в скверном месте.

-- Чем оно скверное?

-- Не увидешь его там, пока не подойдешь к нему вплотную.

-- А-а,-- сказал Макомбер.

-- Ну, пошли,-- сказал Уилсон.-- Мемсаиб пусть лучше побудет здесь, в машине. Надо взглянуть на кровавой след.

-- Побудь здесь, Марго,-- сказал Макомбер жене. Во рту у него пересохло, и он говорил с трудом.

-- Почему?-- спросила она.

-- Уилсон велел.

-- Мы ходим посмотреть, как там дела,--сказал Уилсон.-- Вы побудьте здесь. Отсюда даже лучше видно.

-- Хорошо.

Уилсон сказал что-то на суахили шоферу. Тот кивнул и ответил:

-- Да, бвана.

Потом они спустились по крутому берегу к ручью, перешли его по камням, поднялись на другой берег, цепляясь за торчащие из земли корни, и прошли по берегу до того места, где бежал лев, когда Макомбер, выстрелил в первый раз. На низкой траве были пятна темной крови; туземцы указали на них длинными стеблями, -- они вели за прибрежные деревья.

-- Что будем делать? -- спросил Макомбер.

-- Выбирать не приходится, -- сказал Уилсон. -- Автомобиль сюда не переправишь. Берег крут. Пусть немножко ослабеет, а потом мы с вами пойдем и поищем его.

-- А нельзя поджечь траву?--спросил Макомбер.

-- Слишком свежая, не загорится.

-- А нельзя послать загонщиков? Уилсон смерил его глазами.

-- Конечно, можно,-- сказал он.-- Но это будет вроде убийства. Мы же знаем, что лев ранен. Когда лев не ранен, его можно гнать, -- он будет уходить от шума, -- но раненый лев нападает. Его не видно, пока не подойдешь к нему вплотную. Он расплывается на земле в таких местах, где, кажется, и зайцу не укрыться. Послать на такое дело туземцев рука не подымется. Непременно кого-нибудь покалечит.

-- А ружьеносцы?

-- Ну, они-то пойдут с нами. Это их "шаури". Они ведь связаны контрактом. Но, по-видимому, это им не очень-то улыбается.

-- Я не хочу туда идти, -- сказал Макомбер. Слова вырвались раньше, чем он успел подумать, что говорит.

-- Я тоже, -- сказал Уилсон бодро. -- Но ничего не поделаешь. -- Потом, словно вспомнив что-то, он взглянул на Макомбера и вдруг увидел, как тот дрожит и какое у него несчастное лицо.

-- Вы, конечно, можете не ходить, -- сказал он. -- Для этого меня и нанимают. Поэтому я и стою так дорого.

-- То есть вы хотите пойти один? А может быть, оставить его там?

Роберт Уилсон, который до сих пор был занят исключительно львом и вовсе не думал о Макомбере, хотя и заметил, что тот нервничает, вдруг почувствовал себя так, точно по ошибке открыл чужую дверь в отеле и увидел что-то непристойное.

-- То есть как это?

-- Просто оставить его в покое.

-- Сделать вид, что мы не попали в него?

-- Нет. Просто уйти.

-- Так не делают.

-- Почему?

-- Во-первых, он мучается. Во-вторых, кто-нибудь может на него наткнуться.

-- Понимаю.

-- Но вам совершенно не обязательно идти с нами.

Я бы пошел, -- сказал Макомбер. -- Мне, понимаете, просто страшно.

Я пойду вперед,-- сказал Уилсон,-- Старик Конгони будет искать следы. Вы держитесь за мной, немного сбоку. Очень возможно, что он заворчит, и мы услышим. Как только увидим его, будем оба стрелять. Вы не волнуйтесь. Я не отойду от вас. А может, вам в самом деле лучше не ходить? Право же, лучше. Пошли бы к мемсаиб, а я там с ним покончу.

-- Нет, я пойду.

-- Как знаете,-- сказал Уилсон.-- Но если не хочется, не ходите. Ведь это мой "шаури".

-- Я пойду, -- сказал Макомбер. Они сидели под деревом и курили.

-- Хотите пока поговорить с мемсаиб?-- спросил Уилсон.-- Успеете.

-- Нет.

-- Я пойду, скажу ей, чтоб запаслась терпением.

-- Хорошо,--сказал Макомбер. Он сидел потный, во рту пересохло, сосало под ложечкой, и у него не хватало духу сказать Уилсону, чтобы тот пошел и покончил со львом без него. Он не мог знать, что Уилсон в ярости оттого, что не заметил раньше, в каком он состоянии, и не отослал его назад, к жене.

Уилсон скоро вернулся.

-- Я захватил ваш штуцер, -- сказал он. -- Вот, возьмите. Мы дали ему достаточно времени. Идем. Макомбер взял штуцер, и Уилсон сказал:

-- Держитесь за мной, ярдов на пять правее, и делайте все, что я скажу.

-- Потом он поговорил на суахили с обоими туземцами, вид у них был мрачнее мрачного.

Пошли, -- сказал он.

Мне бы глотнуть воды,--сказал Макомбер. Уилсон сказал что-то старшему ружьеносцу, у которого на поясе была фляжка, тот отстегнул ее, отвинтил колпачок, протянул фляжку Макомберу, и Макомбер, взяв ее, почувствовал какая она тяжелая и какой мохнатый и шершавый ее войлочный чехол. Он поднес ее к губам и посмотрел на высокую траву и дальше на деревья с плоскими кронами. Легкий ветерок дул в лицо, и по траве ходили мелкие волны. Он посмотрел на ружьеносца и понял, что его тоже мучит страх.

В тридцати пяти шагах от них большой лев лежал, распластавшись на земле. Он лежал неподвижно, прижав уши, подрагивал только его длинный хвост с черной кисточкой. Он залег сразу после того, как достиг прикрытия; его тошнило от сквозной раны в набитое брюхо, он ослабел от сквозной раны в легкие, от которой с каждым вздохом к пасти поднималась жидкая красная пена. Бока его были потные и горячие, мухи облепили маленькие отверстия, пробитые пулями в его светло-рыжей шкуре, а его большие желтые глаза, суженные ненавистью и болью, смотрели прямо вперед, чуть моргая от боли при каждом вздохе, и когти его глубоко вонзились в мягкую землю. Все в нем -- боль, тошнота, ненависть и остатки сил -- напряглось до последней степени для прыжка. Он слышал голоса людей и ждал, собрав всего себя в одно желание --

напасть, как только люди войдут в высокую траву. Когда он услышал, что голоса приближаются, хвост его перестал подрагивать, а когда они дошли до травы, он хрипло заворчал и кинулся.

Конгони, старый туземец, шел впереди, высматривая следы крови; Уилсон со штуцером наизготовку подстерегал каждое движение в траве; второй туземец смотрел вперед и прислушивался; Макомбер взвел курок и шел следом за Уилсоном; и не успели они вступить в траву, как Макомбер услышал захлебывающееся кровью ворчание и увидел, как со свистом разошлась трава. А сейчас же вслед за этим он осознал, что бежит, в безумном страхе бежит сломя голову прочь от зарослей, бежит к ручью.

Он слышал, как трахнул штуцер Уилсона -- "ка-ра-уонг!" и еще раз "ка-ра-уонг!", и, обернувшись, увидел, что лев, безобразный и страшный, словно полголовы у него снесло, ползет на Уилсона у края высокой травы, а краснолицый человек переводит затвор своей короткой неуклюжей винтовки и внимательно целится, потом опять вспышка и "ка-ра-уонг!" из дула, и ползущее грузное желтое тело льва застыло, а огромная изуродованная голова подалась вперед, и Макомбер,-- стоя один посреди поляны, держа в руке заряженное ружье, в то время как двое черных людей и один белый с презрением глядели на него, -- понял, что лев издох. Он подошел к Уилсону, -- самый рост его казался немой укором, -- и Уилсон посмотрел на него и сказал:

-- Снимки делать будете?

-- Нет,--ответил он.

Больше ничего не было сказано, пока они не дошли до автомобиля. Тут Уилсон сказал:

-- Замечательный лев. Сейчас они снимут шкуру. Мы можем пока посидеть здесь, в тени.

Жена ни разу не взглянула на Макомбера, а он на нее, хотя он сидел с ней рядом на заднем сиденье, а Уилсон -- впереди. Раз он пошевелился и, не глядя на жену, взял ее за руку, но она отняла руку. Взглянув через ручей, туда, где туземцы свеживали льва, он понял, что она прекрасно все видела. Потом его жена подвинулась вперед и положила руку на плечо Уилсону. Тот повернул голову, и она перегнулась через низкую спинку сиденья и поцеловала

его в губы.

-- Ну-ну, -- сказал Уилсон, и лицо его вспыхнуло даже под красным загаром.

-- Мистер Роберт Уилсон, -- сказала она. -- Прекрасный краснолицый мистер Роберт Уилсон.

Потом она опять села рядом с Макомбером и, отвернувшись от него, стала смотреть через ручей, туда, где лежал лев; его освежеванные лапы с белыми мышцами и сеткой сухожилий были задраны кверху, белое брюхо вздулось, и черные люди снимали с него шкуру. Наконец туземцы принесли шкуру, сырую и тяжелую, и, скатав ее, влезли с ней сзади в автомобиль. Машина тронулась. Больше никто ничего не сказал до самого лагеря.

Так обстояло дело со львом. Макомбер не знал, каково было льву перед тем, как он прыгнул, и в момент прыжка, когда сокрушительный удар пули 0,505-го калибра с силой в две тонны размозжил ему пасть; и что толкало его вперед после этого когда вторым оглушительным ударом ему сломало крестец и он пополз к вспыхивающему, громяющему предмету, который убил его. Уилсон кое-что знал обо всем этом и выразил словами "замечательный лев", но Макомбер не знал также, каково было Уилсону. Он не знал, каково его жене, знал только, что она решила порвать с ним. Его жена уже не раз решала порвать с ним, но всегда ненадолго. Он был очень богат и должен был стать еще богаче, и он знал, что теперь уже она его не бросит. Что другое -- а это он действительно знал; и еще мотоцикл, тот он узнал раньше всего; и автомобиль; и охоту на уток; и рыбную ловлю -- форель, лососи и крупная морская рыба; и вопросы пола -- по книгам, много книг, слишком много; и теннис; и собаки; и немножко о лошадях; и цену деньгам; и почти все остальное, чем жил его мир; и то, что жена никогда его не бросит. Жена его была в молодости красавицей, и в Африке она до сих пор была красавица, но в Штатах она уже не была такой красавицей, чтобы бросить его и устроиться получше; она это знала, и он тоже. Она упустила время, когда могла уйти от него, и он это знал. Умей он больше давать женщинам, ее, вероятно, беспокоила бы мысль, что он может найти себе новую красавицу жену; но и она его слишком хорошо знала и на этот счет не беспокоилась. К тому же он всегда

был очень терпим, и это было его самой приятной чертой, если не самой опасной.

В общем, по мнению света, это была сравнительно счастливая пара, из тех, которые, по слухам, вот-вот разведутся, но никогда не разводятся, и теперь они, как выразился репортер "светской хроники", "полагая, что элемент приключения придаст остроту их поэтичному, пережившему годы роману, отправились на сафари в страну, бывшую Черной Африкой до того, как Мартин Джонсон осветил ее на тысячах серебряных экранов; там они охотились на льва Старого Симбо, на буйволов и на слона Тембо, в то же время собирая материал для Музея естественных наук". Тот же репортер, по крайней мере, три раза уже сообщал публике, что они "на грани", и так оно и было. Но каждый раз они мирились. Их союз покоился на прочном основании. Красота Марго была залогом того, что Макомбер никогда с ней не разведется; а богатство Макомбера было залогом того, что Марго никогда его не бросит.

Было три часа ночи, и Фрэнсис Макомбер, который заснул ненадолго, после того как перестал думать о льве, проснулся и опять заснул, вдруг проснулся от испуга -- он видел во сне, как за ним стоит лев с окровавленной головой, -- и, прислушавшись, чувствуя, как у него колотится сердце, понял, что койка его жены пуста. После этого открытия он пролежал без сна два часа.

Через два часа его жена вошла в палатку, приподняла полог и уютно улеглась в постель.

-- Где ты была?-- спросил Макомбер в темноте.

-- Хэлло, -- сказала она.-- Ты не спишь?

-- Где ты была?

-- Просто выходила подышать воздухом.

-- Черта с два.

-- А что я должна сказать, милый?

-- Где ты была?

-- Выходила подышать воздухом.

--Это что, новый термин? Шлюха.

-- А ты-- трус.

-- Пусть, -- сказал он.--Что ж из этого?

-- По мне -- ничего. Но давай, милый, не будем сейчас разговаривать, мне очень хочется спать.

-- Ты воображаешь, что я все стерплю.

-- Я это знаю, дорогой.

-- Так вот, не стерплю.

-- Пожалуйста, милый, давай помолчим. Мне ужасно хочется спать.

-- Мы ведь решили, что с этим покончено. Ты обещала, что этого больше не будет.

-- Ну, а теперь есть -- сказала она ласково.

-- Ты сказала, что, если мы поедем сюда, этого не будет. Ты обещала.

-- Да, милый. Я и не собиралась. Но вчерашний день испортил путешествие. Только стоит ли об этом говорить?

-- Ты не теряешь времени, когда у тебя в руках козырь, а?

-- Пожалуйста, не будем говорить. Мне так хочется спать, милый.

-- А я буду говорить.

-- Ну, тогда прости, я буду спать.-- И заснула. Еще до рассвета все трое сидели за завтраком, и Фрэнсис Макомбер чувствовал, что из множества людей, которых он ненавидит, больше всех он ненавидит Роберта Уилсона.

-- Как спали? -- спросил Уилсон своим глуховатым голосом, набивая трубку.

-- А вы?

-- Отлично, -- ответил белый охотник. Сволочь, подумал Макомбер, наглая сволочь. Значит, она его разбудила, когда вернулась, думал Уилсон, поглядывая на обоих своими равнодушными, холодными глазами. Ну и следил бы за женой получше. Что он воображает, что я святой? Следил бы за ней получше. Сам виноват.

Как вы думаете, найдем мы буйволов?-- спросила Марго, отодвигая тарелку с абрикосами.

-- Вероятно, -- сказал Уилсон и улыбнулся ей,-- А вам не остаться ли в лагере?

-- Ни за что, -- ответила она.

-- Прикажете ей остаться в лагере,-- сказал Уилсон Макомберу.

-- Сами прикажите, -- ответил Макомбер холодно.

-- Давайте лучше без приказаний и, -- обращаясь к Макомберу -- без глупостей, Фрэнсис, -- сказала Марго весело.

-- Можно ехать? -- спросил Макомбер.

-- Я готов,-- ответил Уилсон.-- Вы хотите, чтобы мемсаиб поехала с нами?

-- Не все ли равно, хочу я или нет.

Вот дьявольщина, подумал Роберт Уилсон. Вот уж правда, можно сказать, дьявольщина. Так, значит, вот оно как теперь будет. Ладно, значит, теперь будет именно так.

-- Решительно все равно, -- сказал он.

-- Может, вы сами останетесь с ней в лагере и предоставите мне поохотиться на буйволов одному?--спросил Макомбер.

-- Не имею права,-- сказал Уилсон.-- Бросьте вы вздор болтать.

Это не вздор. Мне противно.

Нехорошее слово -- противно.

Фрэнсис, будь добр, постарайся говорить разумно, -- сказала его жена.

-- Я и так, черт возьми, говорю разумно,-- сказал Макомбер.-- Ели вы когда-нибудь такую гадость?

-- Вы недовольны едой?-- спокойно спросил Уилсон.

-- Не дальше, чем всем остальным.

-- Возьмите себя в руки, голубчик,--сказал Уилсон очень спокойно. --

Один из боев немного понимает по-английски.

-- Ну и черт с ним.

Уилсон встал и, попыхивая трубкой, пошел прочь, сказав на суахили несколько слов поджидавшему его ружьеносцу. Макомбер и его жена остались сидеть за столом. Он упорно смотрел на свою чашку.

-- Если ты устроишь скандал милый, я тебя брошу,-- сказала Марго спокойно.

-- Не бросишь.

-- Попробуй -- увидишь.

-- Не бросишь ты меня.

-- Да, -- сказала она. -- Я тебя не брошу, а ты будешь вести себя прилично.

-- Прилично? Это мне нравится. Прилично.

-- Да. Прилично.

-- Ты бы сама постаралась вести себя прилично.

-- Я долго старалась. Очень долго.

Ненавижу эту краснорожую свинью,-- сказал Макомбер.-- От одного его вида тошно делается.

А знаешь, он очень милый.

-- Замолчи! -- крикнул Макомбер.

В эту минуту к обеденной палатке подъехал автомобиль, шофер и оба ружьеносца соскочили на землю. Подошел Уилсон и посмотрел на мужа и жену, сидевших за столом.

Едем охотиться?-- спросил он.

Да, -- сказал Макомбер, вставая. -- Да.

Захватите свитер. Ехать будет холодно, сказал Уилсон.

-- Я пойду возьму кожаную куртку, -- сказала Марго.

-- Она у боя,-- сказал Уилсон. Он сел рядом с шофером, а Фрэнсис Макомбер с женой молча уселись на заднем сиденье.

У этого болвана еще станется выстрелить мне в затылок думал Уилсон. И зачем только берут на охоту женщин?

Спустившись к ручью, автомобиль переехал его вброд там, где камни были мелкие, а потом, в сером свете утра, зигзагами поднялся на высокий берег, по дороге, которую Уилсон накануне велел прорыть, чтобы можно было добраться в машине до редкого леса и больших полян.

Хорошее утро, думал Уилсон. Было очень росисто, колеса шли по траве к низкому кустарнику, и он чувствовал запах раздавленных листьев. От них пахло вербеной, а он любил этот утренний запах росы, раздавленные папоротники и черные стволы деревьев, выступавшие из утреннего тумана, когда машина катилась без дорог, в редком, как парк, лесу. Те двое, на заднем сиденье, больше не интересовали его, он думал о буйволах. Буйволы, до которых он хотел добраться, днем отдыхали на заросшем кустами болоте, где охота на них

была невозможна; но по ночам они выходили пастись на большую поляну, и если бы удалось так подвести автомобиль, чтобы отрезать их от болота, Макомбер, вероятно, смог бы пострелять их на открытом месте. Ему не хотелось охотиться с Макомбером на буйволов в чаще. Ему не хотелось охотиться с Макомбером ни на буйволов, ни на какого другого зверя, но он был охотник-профессионал, и ему еще не с такими типами приходилось иметь дело. Если они сегодня найдут буйволов, останутся только носороги, на этом бедняга закончит свою опасную забаву, и, может быть, все обойдется. С этой женщиной он больше не будет связываться, а вчерашнее Макомбер тоже переварит. Ему, надо полагать, не впервой. Бедняга. Он, наверно, уже научился переваривать такие вещи. Сам виноват, растяпа несчастный.

Он, Роберт Уилсон, всегда возил с собой на охоту койку пошире -- мало ли какой подвернется случай. Он знал свою клиентуру -- веселящаяся верхушка общества, спортсмены-любители из всех стран, женщины, которым кажется, что им недодали чего-то за их деньги, если они не переспят на этой койке с белым охотником. Он презирал их, когда они были далеко, но пока он был с ними, многие из них ему очень нравились. Так или иначе, они давали ему кусок хлеба, и пока они его нанимали, их мерки были его мерками.

Они были его мерками во всем, кроме самой охоты. Тут у него были свои мерки, и этим людям оставалось либо подчиняться ему, либо нанимать себе другого охотника. Он знал, что все они уважают его за это. А вот Макомбер этот -- какой-то чудак. Право, чудак. Да еще жена. Ну, что ж, жена. Да, жена. Гм, жена. Ладно, с этим покончено. Он оглянулся на них. Макомбер сидел угрюмый и злой. Марго улыбнулась. Сегодня она казалась моложе, более невинной и свежей, и не такой профессиональной красавицей. Что у нее на уме -- одному богу известно, подумал Уилсон. Ночью она не много разговаривала. А смотреть на нее все-таки приятно.

Автомобиль взял небольшой подъем и покатил дальше между деревьями, а потом по краю большой, поросшей травой поляны, держась все время у опушки в тени деревьев; ехали медленно, и Уилсон внимательно следил глазами за дальним концом поляны. Он велел шоферу остановиться и оглядел ее в бинокль. Потом махнул шоферу, и тот медленно поехал дальше, стараясь не попадать в

кабаньи ямы и объезжая высокие муравейники. Потом Уилсон, не сводивший глаз с того края поляны, вдруг обернулся и сказал:

-- Смотрите, вот они.

Машина рванулась вперед. Уилсон быстро заговорил с шофером на суахили, и, взглянув, куда он указывал, Макомбер увидел трех огромных черных животных, почти цилиндрических, длинных и грузных, как большие черные танки, вскачь пересекавших поляну. Их шеи и туловища напряженно вытянулись на скаку, и он видел их загнутые кверху, широко раскинутые черные рога, когда они так скакали, вытянув головы, совершенно неподвижные головы.

-- Три старых самца,-- сказал Уилсон.-- Мы успеем отрезать им путь к болоту.

Автомобиль летел по кочкам со скоростью сорока пяти миль в час, и на глазах у Макомбера буйволы все росли и росли; так что он мог уже разглядеть серое, безволосое, покрытое струпьями туловище одного из огромных животных, и как шея у него сливается с плечами, и черный блеск его рогов, когда он скакал, немного отстав от двух других, уходивших вперед ровным, тяжелым галопом. А потом автомобиль качнуло, словно он наскочил на что-то, они подъехали совсем близко, и он ясно увидел скачущую глыбу и пыль, насевшую на шкуру между редкими волосами, широкое основание рогов и вытянутую, с широкими ноздрями морду, и он уже вскинул ружье, но Уилсон крикнул "Не из машины, идиот вы этакий!" И в нем не было страха, только ненависть к Уилсону, а тут шофер дал тормоз, и машину так занесло, что она взрыла землю и почти остановилась, и Уилсон соскочил на одну сторону, а он на другую и споткнулся, коснувшись ногами все еще убегавшей назад земли, а потом он стрелял в удалявшегося буйвола, слышал, как пули попадают в него, выпустил в него все заряды, он все уходил; вспомнил наконец, что надо целить ближе к голове, в плечо, и, уже перезаряжая ружье, увидел, что буйвол упал. Упал на колени, мотнув тяжелой головой и Макомбер, заметив, что те два все скачут, выстрелил в вожака и попал. Он выстрелил еще раз, промахнулся, услышал оглушительное "ка-ра-уонг!" винтовки Уилсона и увидел, как передний бык ткнулся мордой в землю.

-- Теперь третьего,-- сказал Уилсон.-- Вот это стрельба! Но последний

буйвол упорно уходил все тем же ровным галопом, и Макомбер промазал, грязь взметнулась фонтаном, а потом и Уилсон промазал, только поднял облако пыли, и Уилсон крикнул: "Едем! Так не достать!"-- и схватил его за руку, и они снова вскочили на подножку, Макомбер с одной стороны, а Уилсон с другой, и понеслись по бугристой земле, нагоняя буйвола, скакавшего ровно и грузно, прямо вперед.

Они быстро нагоняли его, и Макомбер заряжал ружье, роняя патроны: затвор зашалил, он выправил его; и когда они почти поравнялись с буйволом, Уилсон заорал: "Стой!" И машину так занесло, что она чуть не опрокинулась, а Макомбера столкнуло вперед на землю, но он не упал, рванул вперед затвор и выстрелил в скачущую круглую черную спину, прицелился и выстрелил еще раз, потом еще и еще, и пули хоть и попали все до одной, казалось, не причиняли буйволу никакого вреда. Потом выстрелил Уилсон, треск оглушил Макомбера, и он увидел, что буйвол зашатался. Он выстрелил еще раз, старательно прицелившись, и бык рухнул, подогнув колени.

-- Здорово,-- сказал Уилсон.-- Чисто сработано. Теперь все три.

Макомбера охватил пьяный восторг.

-- Сколько раз вы стреляли?-- спросил он.

-- Только три,--сказал Уилсон.-- Первого убили вы. Самого большого.

Двух других я вам помог прикончить. Боялся, как бы они не ушли в чащу. Они, собственно, тоже ваши. Я только чуть подправил. Отлично стреляли.

- Пойдемте к машине,-- сказал Макомбер.-- Я хочу выпить.

- Сначала нужно прикончить вот этого, -- сказал Уилсон.

Буйвол стоял на коленях, и когда они двинулись к нему, яростно вздернул голову и заревел от бешенства, мотая головой, тараша свиные глазки.

-- Смотрите, как бы не встал, -- сказал Уилсон. -- И еще отойдите немного вбок и бейте в шею, за ухом.

Макомбер старательно прицелился в середину огромной, дергающейся, разъяренной шеи и выстрелил. Голова упала вперед.

-- Правильно,-- сказал Уилсон.-- В позвонок. Ну и страшилища, черт их дери, а?

-- Пойдем выпьем, сказал Макомбер. Никогда в жизни ему еще не было так

хорошо. В автомобиле сидела жена Макомбера, очень бледная.

-- Ты был изумителен, милый, - сказала она Макомберу.-- Ну и гонка!

-- Очень трясло? -- спросил Уилсон.

-- Очень страшно было. Я в жизни еще не испытывала такого страха.

-- Давайте все выпьем,--сказал Макомбер.

Обязательно, -- сказал Уилсон.-- Мемсаиб первая -- Она отпила из фляжки чистого виски и слегка передернулась. Потом передала фляжку Макомберу, а тот Уилсону.

-- Это так волнует,-- сказала она. У меня голова разболелась отчаянно.

А я не знала, что разрешается стрелять буйволов из автомобилей.

-- Никто и не стрелял из автомобилей, -- сказал Уилсон холодно.

-- Ну, гнаться за ними в автомобиле.

-- Вообще-то это не принято, -- сказал Уилсон.--Но сегодня мне понравилось. Такая езда без дорог по кочкам и ямам рискованнее, чем охотиться пешком. Буйвол, если б захотел, мог броситься на нас после любого выстрела. Сколько угодно. А все-таки никому не рассказывайте. Штука незаконная, если вы это имели в виду.

-- По-моему, -- сказала Марго, -- нечестно гнаться за этими толстыми, беззащитными зверями в автомобиле.

-- В самом деле?

-- Что, если бы об этом узнали в Найроби?

Первым делом у меня отобрали бы свидетельство. Ну и так далее, всякие неприятности, -- сказал Уилсон, отпивая из фляжки. -- Остался бы без работы.

-- Правда?

-- Да, правда.

-- Ну вот, -- сказал Макомбер и улыбнулся в первый раз за весь день. --

Теперь она и к вам прицепилась.

-- Как ты изящно выражаешься, Фрэнсис, -- сказала Марго Макомбер.

Уилсон посмотрел на них. Если муж дурак, думал он, а жена дрянь, какие у них могут быть дети? Но сказал он другое:

-- Мы потеряли одного ружьеносца, вы заметили?

-- О господи, нет, -- сказал Макомбер.

-- Вот он идет,-- сказал Уилсон.-- Живехонек. Наверное, свалился с машины, когда мы отъезжали от первого буйвола.

Старик Конгони, прихрамывая, шел к ним в своем вязаном колпаке, защитной куртке, коротких штанах и резиновых сандалиях; лицо его было мрачно и презрительно. Подойдя ближе, он крикнул что-то Уилсону на суахили, и все увидели, как белый охотник изменился в лице.

-- Что он говорит?-- спросила Марго.

-- Говорит, что первый буйвол встал и ушел в чащу, -- сказал Уилсон без всякого выражения.

-- Вот как, -- сказал Макомбер рассеянно.

-- Значит, теперь будет точь-в-точь как со львом, -- сказала Марго, оживляясь.

-- Будет, черт побери, совсем не так, как со львом, -- сказал Уилсон.

-- Пить еще будете, Макомбер?

-- Да, спасибо, -- сказал Макомбер. Он ждал, что вернется ощущение, которое он испытал накануне, но оно не вернулось. В первый раз в жизни он действительно не испытывал ни малейшего страха. Вместо страха было четкое ощущение восторга.

-- Пойдем взглянем на второго буйвола, -- сказал Уилсон. -- Я велю шоферу отвести машину в тень.

-- Куда вы?--спросила Марго Макомбер.

-- Взглянуть на буйвола,-- сказал Уилсон.

-- И я с вами.

-- Пойдемте.

Все трое пошли туда, где второй буйвол черной глыбой лежал на траве, вытянув голову, широко раскинув тяжелые рога.

-- Очень хорошая голова,-- сказал Уилсон.-- Между рогами дюймов пятьдесят.

Макомбер восхищенно смотрел на буйвола.

-- Отвратительное зрелище,-- сказала Марго. -- Может быть, пойдем в тень?

-- Конечно,-- сказал Уилсон.--Смотрите, -- сказал он Макомберу и

протянул руку. -- Видите вон те заросли?

-- Да.

-- Вот туда и ушел первый буйвол. Конгони говорят, что, когда он свалился с машины, бык лежал на земле. Он следил, как мы гоним и как скачут два других буйвола. А когда он поднял голову, буйвол был на йогах и смотрел на него. Конгони пустился наутек, а бык потихоньку ушел в заросли.

-- Пойдем за ним сейчас? -- нетерпеливо спросил Макомбер. Уилсон смерил его глазами. Ну и чудак, подумал он. Вчера трясся от страха, а сегодня так и рвется в бой.

-- Нет, переждем немного.

-- Пожалуйста, пойдите в тень, -- сказала Марго. Лицо у нее побелело, вид был совсем больной.

Они прошли к развесистому дереву, под которым стоял автомобиль, и сели.

-- Очень возможно, что он уже издох, -- заметил Уилсон. Подождем немножко и посмотрим.

Макомбер ощущал огромное, безотчетное счастье, никогда еще не испытанное.

-- Да, вот это была скачка! -- сказал он. -- Я в жизни не испытывал ничего подобного. Правда, чудесно было. Марго?

- Отвратительно, -- сказала она

-- Чем?

-- Отвратительно, -- сказала она горько. -- Мерзость.

-- Знаете, теперь я, наверно, никогда больше ничего не испугаюсь, -- сказал Макомбер Уилсону. -- Что-то во мне произошло, когда мы увидели буйволов и погнались за ними. Точно плотина прорвалась. Огромное наслаждение.

-- Полезно для печени, -- сказал Уилсон. -- Чего только с людьми не бывает.

Лицо Макомбера сияло.

-- Право же, во мне что-то изменилось, -- сказал он. -- Я чувствую себя совершенно другим человеком. Его жена ничего не сказала и посмотрела на него как-то странно. Она сидела, прижавшись к спинке, а Макомбер наклонился

вперед и говорил с Уилсоном, который отвечал, повернувшись боком на переднем сиденье.

-- Знаете, я бы с удовольствием еще раз поохотился на льва, -- сказал Макомбер. -- Я их теперь совсем не боюсь. В конце концов, что они могут сделать?

-- Правильно, -- сказал Уилсон. -- В худшем случае убьют вас. Как это у Шекспира? Очень хорошее место. Сейчас вспомню. Ах, очень хорошее место. Одно время я постоянно его повторял. Ну-ка, попробую: "Мне, честное слово, все равно; смерти не миновать, нужно же заплатить дань смерти. И, во всяком случае, тот, кто умер в этом году, избавлен от смерти в следующем" Хорошо, а?

Он очень смутился, когда произнес эти слова, так много значившие в его жизни, но не в первый раз люди на его глазах достигали совершеннолетия, и это всегда волновало его. Не в том дело, что им исполняется двадцать один год. Случайное стечение обстоятельств на охоте, когда вдруг стало необходимо действовать и не было времени поволноваться заранее, -- вот что понадобилось для этого Макомберу; но все равно, как бы это ни случилось, случилось это несомненно. Ведь вот какой стал, думал Уилсон. Дело в том, что многие из них долго остаются мальчишками. Некоторые так на всю жизнь. Пятьдесят лет человеку, а фигура мальчишеская. Пресловутые американские мужчины-мальчики. Чудной народ, ей-богу. Но сейчас этот Макомбер ему нравится. Чудак, право, чудак. И наставлять себе рога он, наверно, тоже больше не даст. Что ж, хорошее дело. Хорошее дело, черт возьми! Бедняга, наверно, боялся всю жизнь. Неизвестно, с чего это началось. Но теперь кончено. Буйвола он не успел испугаться. К тому же был зол. И к тому же автомобиль. С автомобилем все кажется проще. Теперь его не удержишь. Точно так же бывало на войне. Посерьезней событие, чем невинность потерять. Страха больше нет, точно его вырезали. Вместо него есть что-то новое. Самое важное в мужчине. То, что делает его мужчиной. И женщины это чувствуют. Нет больше страха.

Забившись в угол автомобиля, Маргарет Макомбер поглядывала на них обоих. Уилсон не изменился. Уилсона она видела таким же, каким увидела накануне, когда впервые поняла, в чем его сила. Но Фрэнсис Макомбер

изменился, и она это видела.

-- Вам знакомо это ощущение счастья, когда ждешь чего-нибудь? -- спросил Макомбер, продолжая обследовать свои новые владения.

-- Об этом, как правило, молчат, -- сказал Уилсон, глядя на лицо Макомбера. -- Скорее принято говорить, что вам страшно. А вам, имейте в виду, еще не раз будет страшно.

--Но, вам знакомо это ощущение счастья, когда предстоит действовать?

-- Да, -- сказал Уилсон. -- И точка. Нечего об этом распространяться. А то все можно испортить. Когда слишком много говоришь о чем-нибудь, всякое удовольствие пропадает.

-- Оба вы болтаете вздор, -- сказала Марго.-- Погонялись в машине за тремя беззащитными животными и вообразили себя героями.

-- Прошу прощения, -- сказал Уилсон. -- Я и правда наболтал лишнего. -- Уже встревожилась, подумал он.

-- Если ты не понимаешь, о чем мы говорим, так зачем вмешиваешься? -- сказал Макомбер жене.

-- Ты что-то вдруг стал ужасно храбрый, -- презрительно сказала она, но в ее презрении не было уверенности. Ей было очень страшно.

Макомбер рассмеялся непринужденным, веселым смехом.

-- Представь себе, -- сказал он. -- Действительно стал.

-- Не поздно ли? -- горько сказала Марго. Потому что она очень старалась, чтобы все было хорошо, много лет старалась, а в том, как они жили сейчас, винить было некого.

-- Для меня -- нет,-- сказал Макомбер. Марго ничего не сказала, только еще дальше отодвинулась в угол машины.

-- Как вы думаете, теперь пора? -- бодро спросил Макомбер.

-- Можно попробовать, -- сказал Уилсон. -- У вас патроны остались?

-- Есть немного у ружьеносца.

Уилсон крикнул что-то на суахили, и старый туземец, свежавший одну из голов, выпрямился, вытащил из кармана коробку с патронами и принес ее Макомберу; тот наполнил магазин своей винтовки, а остальные патроны положил в карман.

-- Вы стреляйте из спрингфилда, -- сказал Уилсон. -- Вы к нему привыкли. Маннлихер оставим в машине у мемсаиб. Штуцер может взять Конгони. Я беру свою пушку. Теперь послушайте, что и вам скажу. -- Он оставил это напоследок, чтобы не встревожить Макомбера. -- Когда буйвол нападает, голова у него не опущена, а вытянута вперед. Основания рогов прикрывают весь лоб, так что стрелять в череп бесполезно. Единственно возможный выстрел -- прямо в морду. И еще возможен выстрел в грудь или, если вы стоите сбоку, в шею или плечо. Когда они решены, добить их очень трудно. Не пробуйте никаких фокусов. Выбирайте самый легкий выстрел. Ну так, с головой они покончили. Едем?

Он позвал туземцев, они подошли, вытирая руки, и старший залез сзади в машину.

-- Я беру только Конгони, -- сказал Уилсон. -- Второй останется здесь, будет отгонять птиц.

Когда автомобиль медленно поехал по траве, к лесистому островку, который тянулся зеленым языком вдоль сухого русла, пересекавшего поляну, Макомбер чувствовал, как у него колотится сердце и во рту опять пересохло, но это было возбуждение, а не страх.

-- Вот здесь он вошел в заросли, -- сказал Уилсон. И приказал ружьеносцу на суахили: --Найди след.

Автомобиль поравнялся с островком зелени. Макомбер, Уилсон и ружьеносец слезли. Оглянувшись, Макомбер увидел, что жена смотрит на него и ружье лежит с ней рядом. Он помахал ей рукой, она не ответила.

Заросли впереди были очень густые, под ногами было сухо. Старый туземец весь вспотел, а Уилсон надвинул шляпу на глаза, и Макомбер видел прямо перед собой его красную шею. Вдруг Конгони сказал что-то Уилсону и побежал вперед.

Он там издох, -- сказал Уилсон. -- Чистая работа.

Он повернулся и схватил Макомбера за руку, и, в ту минуту, как они, блаженно улыбаясь, жали друг другу руки, Конгони пронзительно вскрикнул, и они увидели, что он бежит из зарослей боком, быстро, как краб, а за ним буйвол -- ноздри раздулись, губы сжаты, кровь каплет, огромная голова вытянута вперед, -- нападает, устремив прямо на них свои маленькие, налитые

кровью свиные глазки. Уилсон, стоявший ближе, стрелял с колена, и Макомбер, не услышав своего собственного выстрела, заглушенного грохотом штуцера, увидел, что от огромных оснований рогов посыпались похожие на шифер осколки, голова буйвола дернулась. Он снова выстрелил, прямо в широкие ноздри, и снова увидел, как вскинулись кверху рога и полетели осколки. Теперь он не видел Уилсона и, старательно прицелившись, снова выстрелил, а буйвол громоздился уже над ним, и его ружье было почти на одном уровне с бодающей, вытянутой вперед головой; он увидел маленькие злые глазки, и голова начала опускаться, и он почувствовал, как внезапная, жаркая, ослепительная вспышка взорвалась у него в мозгу, и больше он никогда ничего не чувствовал.

Уилсон только что отступил в сторону, чтобы выстрелить буйволу в плечо. Макомбер стоял на месте и стрелял в морду, каждый раз попадая чуть-чуть выше, чем нужно, -- в тяжелые рога, которые крошились и раскалывались, как шиферная крыша, а миссис Макомбер с автомобиля выстрелила из маннлихера калибра 6,5 в буйвола, когда казалось, что он вот-вот подденет Макомбера на рога, и попала своему мужу в череп, дюйма на два выше основания, немного сбоку.

Фрэнсис Макомбер лежал ничком всего в двух ярдах от того места, где лежал на боку буйвол, его жена стояла над ним на коленях, а рядом с ней был Уилсон.

-- Не нужно его переворачивать, -- сказал Уилсон. Женщина истерически плакала.

-- Подите, сядьте в автомобиль, -- сказал Уилсон. -- Где ружье?

Она покачала головой, на лице ее застыла гримаса. Туземец поднял с земли ружье.

-- Положи на место,--сказал Уилсон. И прибавил: -- Сходи за Абдуллой, пусть будет свидетелем, как произошло несчастье.

Он опустился на колени, достал из кармана платок и накрыл им коротко остриженную голову Фрэнсиса Макомбера. Кровь впитывалась в сухую, рыхлую землю.

Уилсон встал и увидел лежащего на боку буйвола: ноги его были вытянуты, по брюху между редкими волосами ползали клещи. "А хорош, черт его дерн, --

автоматически отметил его мозг. -- Никак не меньше пятидесяти дюймов". Он крикнул шофера и велел ему накрыть мертвого пледом и остаться возле него. Потом пошел к автомобилю, где женщина плакала, забившись в угол.

-- Ну и натворили вы дел, -- сказал он совершенно безучастно. -- А он бы вас непременно бросил.

-- Перестаньте, - сказала она.

-- Конечно, это несчастный случай, -- сказал он. -- Я-то знаю.

-- Перестаньте, -- сказала она.

-- Не тревожьтесь, -- сказал он. -- Предстоят кое-какие неприятности, но я распоряджусь, чтобы сделали несколько снимков, которые очень пригодятся на дознании. Ружьеносцы и шофер тоже выступят как свидетели. Вам решительно нечего бояться.

-- Перестаньте, -- сказала она.

-- Будет много возни, -- сказал он. -- Придется отправить грузовик на озеро, чтобы оттуда по радио вызвали самолет, который заберет нас всех троих в Найроби. Почему вы его не отравили? В Англии это делается именно так.

-- Перестаньте! Перестаньте! Перестаньте! -- крикнула женщина.

Уилсон посмотрел на нее своими равнодушными голубыми глазами.

-- Больше не буду, -- сказал он. -- Я немножко рассердился. Ваш муж только-только начинал мне нравиться.

-- О, пожалуйста, перестаньте, -- сказала она. -- Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте.

Так-то лучше, -- сказал Уилсон. -- Пожалуйста -- это много лучше. Теперь я перестану.